

К ТЕОРИИ ШИЗОФРЕНИИ

ГРЕГОРИ БЕЙТСОН, ДОН Д.ДЖЕКСОН, ДЖЕЙ ХЕЙЛИ, ДЖОН Х.УИКЛЕНД

Грегори Бейтсон (1904-1980) – выдающийся американский философ, этнограф и этолог. Свою научную деятельность начал в 20-х годах в качестве этнографа, изучая культуры племен Новой Гвинеи и балийцев в Индонезии. Результаты этих исследований отражены в его книгах «Naven: A Survey of Problems Suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View», Cambridge, 1936; и «Balines Character: A Photographic Analysis», New York, 1942, написанной в соавторстве со своей женой Маргарет Мид. Внес значительный вклад в развитие методов этнографических исследований, широко используя фото- и кинорегистрацию материала для анализа экспрессивного поведения.

В 40-е годы тесно сотрудничает с Норбертом Винером, являясь одним из активных участников первых конференций по кибернетике, которые регулярно организовывались Фондом Джосайи Мейси. Бейтсон был одним из первых ученых, пытавшихся применить системный подход для осмысления фундаментальных методологических проблем как естественных, так и общественных наук. В 1948г. начинается совместная работа Бейтсона с американским психиатром Юргеном Рушем (Jurgen Ruesch) в его клинике. В 1951г. была опубликована их совместная монография «Communication: The Social Matrix of Psychiatry», New York: Norton, 1951, в которой была предпринята попытка рассмотреть психические заболевания как особые формы нарушения коммуникации. В 50-е годы руководит проектом по исследованию парадоксов патологической коммуникации при шизофрении.

Идеи Бейтсона сыграли огромную роль в зарождении системной семейной терапии – радикально новой формы психотерапии. Именно благодаря Бейтсону в психиатрии и психотерапии стала использоваться системная методология – совершенно особый способ эпистемологической «пунктуации» клинической и психотерапевтической «реальности», опирающийся на такие понятия, как саморегуляция, нелинейная

циркулярная причинность и пр. В результате в качестве «пациента» для семейного терапевта выступает не индивид, проявляющий те или иные нарушения, а вся его семья: психопатологические симптомы являются функцией сети внутрисемейной коммуникации.

Хотя Бейтсон сам не занимался психотерапией, его считают своим учителем основатели таких психотерапевтических подходов, как краткосрочная психотерапия школы Пало-Альто (Д.Джесон, П.Вацлавик, Дж.Уикленд и др.), стратегическая психотерапия (Дж.Хейли), миланская школа системной семейной терапии (М.С.Палаццоли, Л.Боскола, Г.Чеччин и др.), «анти-психиатрия» (Р.Д.Лэинг), нейролингвистическое программирование (Р.Бандлер, Дж.Гриндер, Р.Дилтс) и др.

Последние десятилетия жизни, опираясь на свои энциклопедические знания, Бейтсон занимался разработкой того, что можно назвать наукой о живом, принципиально переосмысляя традиционные научные представления о психическом (*mind*) и материи. Он доказывал, что «разум» (*mind*) имманентен всему живому, образуя неразрывное единство с неживой природой. Этой теме посвящены его главные работы: «*Steps to an Ecology of Mind*», New York; Ballantine, 1972; «*Mind and Nature: A Necessary Unity*», New York: Button, 1979; «*Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred*», New York: Macmillan, 1987 (в соавторстве со своей дочерью Mary Catherine Baleson).

К сожалению, работы Бейтсона, которого сегодня нередко называют одним из крупнейших мыслителей 20 века, неизвестны русскоязычному читателю. Мы предлагаем вашему вниманию статью «*Toward a Theory of Schizophrenia*» (*Behavioral Science*, 1956, Vol.1, № 4, p.251-264), без которой невозможно современное представление о шизофрении.

При подготовке перевода к публикации мы столкнулись с рядом трудностей. В частности, перевод на русский язык термина «*double bind*» представляется исключительно сложной задачей, поскольку семантическая структура русского языка не позволяет сохранить всю смысловую многозначность этого английского выражения, возникающую из соединения прилагательного «*double*» (нечто двойное, сдвоенное, удвоенное) и существительного «*bind*». В отечественной литературе уже сложилась некоторая традиция перевода этого термина как «двойная связь» (см., например, А.М.Руткевич. «От Фрейда к Хайдеггеру». М., 1985, с.132, или статью А.Б.Холмогоровой в этом номере журнала), однако слово «связь» неадекватно передает смысл английского «*bind*». В английском языке есть идиоматические выражения «*to get into a bind*» или «*to be in a bind*», что означает «попасть в безвыходную ситуацию, попасть в переплет». Однако слово «*bind*» содержит в себе и связь со следующим рядом значений: завязывание, опутывание, сковывание. Поэтому наиболее подходящими вариантами перевода «*double bind*» на русский язык представляются «двойной узел»

или «двойной зажим». Однако первое выражение не передает страдательности. В итоге мы были вынуждены остановиться на варианте «двойной зажим», хотя и он не удовлетворяет нас полностью.

Шизофрения – ее природа, этиология и способы ее лечения – остается одной из наиболее загадочных психических болезней. Представленная здесь теория шизофрении основана на анализе коммуникации, в частности на теории логических типов. Положения этой теории, а также наблюдения за пациентами-шизофрениками дают возможность описать ситуацию, названную «двойным зажимом» (double bind), и определить необходимые для ее возникновения условия. «Двойной зажим» – это такая ситуация, в которой человек, что бы он ни делал, «не может победить». Высказывается гипотеза, что у человека, попавшего в тиски двойного зажима, могут начать развиваться симптомы шизофрении. Обсуждается, как и почему ситуация двойного зажима возникает в контексте семейного взаимодействия, что иллюстрируется данными клинических и экспериментальных наблюдений.

Данная статья представляет собой отчет по исследовательскому проекту¹, цель которого – сформулировать и апробировать широкий целостный подход к пониманию природы, этиологии и терапии шизофрении. В процессе исследования мы обсуждали и анализировали широкий круг эмпирических наблюдений и идей, касающихся проблемы шизофрении. При этом каждый из участников нашей группы привносил в него свое особое профессиональное видение, соответствующее таким различным областям знания, как социальная антропология, анализ коммуникации, психотерапия, психиатрия и психоанализ. В настоящее время нам удалось прийти к общему пониманию происхождения и природы шизофрении в рамках коммуникативного подхода. Данная статья является предварительным сообщением о нашем исследовании, работа над которым продолжается по сей день.

Основания в теории коммуникации

Наш подход основан на той части теории коммуникации, которую Рассел назвал теорией логических типов (*Whitehead & Russell, 1910*). Главное положение этой теории состоит в указании на принципиальное различие (discontinuity) между логическим классом и его членами. Класс не может быть собственным членом, и ни один из членов класса не может

¹ Статья основывается на гипотезах, впервые возникших в исследовательском проекте, проводившемся под руководством Грегори Бейтсона. В 1952-54гг. проект финансировался фондом Рокфеллера через факультет социологии и антропологии Стэнфордского университета, а с 1954г. – Фондом Джосайи Мейси. Джену Хейли принадлежит идея, что симптомы шизофрении указывают на неспособность различать логические типы. Г.Бейтсон развил эту идею дальше, придя к выводу, что симптомы шизофрении и ее этиология могут быть формально описаны в рамках гипотезы двойного зажима. Д.Джексон, ознакомившись с этой гипотезой, обнаружил ее глубокое родство с его концепцией семейного гомеостаза. С тех пор д-р Джексон принимает непосредственное участие в разработке проекта.

Изучение формальных аналогий между гипнозом и шизофренией было предметом работы Джона Уикленда и Джену Хейли.

быть самым классом, поскольку понятия, употребляемые для обозначения класса, находятся *на другом уровне абстракции* – принадлежат к другому логическому типу, нежели понятия, употребляемые для членов класса. В формальной логике делается попытка придерживаться этой дифференциации класса и его членов. В психологии же реального общения, как мы утверждаем, это различие постоянно и неизбежно игнорируется (Bateson, 1955), и мы априорно можем ожидать возникновения в человеческом организме патологии, когда в коммуникации между матерью и ребенком имеют место *определенные формы* такого смещения. Мы постараемся показать, что в своем крайнем выражении эта патология проявляется в виде симптомов, формальные характеристики которых заставляют квалифицировать ее как шизофрению.

Примеры того, как люди осуществляют коммуникацию, используя несколько различных логических типов, могут быть взяты из множества областей.

1. *Использование в человеческой коммуникации различных коммуникативных модусов.* Примерами здесь могут послужить игра, неигра, фантазия, ритуал, метафора и пр. Даже у низших млекопитающих можно, судя по всему, обнаружить обмен сигналами, определяющими то или иное значимое поведение как «игру» и т.п.² Эти сигналы, очевидно, принадлежат к более высокому логическому типу, чем те сообщения, которые они квалифицируют. У людей такое структурирование (framing) сообщений и значимых действий и их категоризация (labeling) отличаются значительно большей сложностью. Однако примечательно, что наш словарь довольно слабо развит для такой дифференциации, и мы преимущественно опираемся на различные невербальные средства, такие как поза, жест, выражение лица, а также контекст коммуникативной ситуации, для передачи этих высоко абстрактных, но жизненно важных маркеров (labels).

2. *Юмор.* Это, по-видимому, способ выявления имплицитного содержания мыслей и отношений, в котором используются сообщения, характеризующиеся конденсацией логических типов или коммуникативных модальностей. Например, озарение происходит в тот момент, когда вдруг становится ясно, что сообщение было не только метафорическим, но также до некоторой степени и буквальным, или наоборот. Можно сказать, что эффект комического возникает тогда, когда происходит смещение маркера (labeling) модальности. Обычно кульминационный момент заставляет переосмыслить полученные ранее сигналы, приписывавшие сообщениям определенную модальность (например, модальность буквальности или фантазии). Это дает специфический эффект приписывания *модальности* тем сигналам,

² В рамках проекта снят фильм «Природа игры, часть 1: Речные выдры».

которые до того имели статус более высокого логического типа, квалифицировавшего модальности.

3. *Фальсификация сигналов, указывающих на модальность.* Люди могут фальсифицировать модальные идентификаторы, в результате чего становятся возможны искусственный смех, манипулятивная симуляция дружелюбия, мошенничество, розыгрыши и т.п. Подобные фальсификации отмечаются и у млекопитающих (*Carpenter, 1934; Lorenz, 1952*). У людей мы встречаемся со странным феноменом – бессознательной фальсификацией таких сигналов. Это может происходить внутриличностно – человек скрывает от самого себя свою действительную враждебность под видом метафорической игры, или же бессознательная фальсификация имеет место при распознавании модальных идентификаторов в сообщениях другого. Так, человек может принять робость за презрение и т.п. Под эту рубрику подпадает подавляющее большинство ошибок и недоразумений, связанных с самореференцией.

4. *Научение.* Простейшей уровень этого феномена представлен ситуацией, когда человек получает сообщение и действует в соответствии с ним. Например: «Услышав бой часов, я понял, что пришло время обеда, и пошел к столу». В экспериментах по научению, наблюдая аналогичную последовательность событий, экспериментатор обычно рассматривает ее как единичное сообщение более высокого типа. Когда собака пускает слюну в интервале между звонком и получением куска мяса, эта последовательность принимается экспериментатором как сообщение: «собака *научилась* тому, что звонок означает кормление мясом». Но это не конец иерархии типов, поскольку экспериментальный субъект может стать более искусным в учении. Он может *научиться учиться* (*Bateson, 1942; Harlow, 1949; Hull et al., 1940*), и представляется, что люди могут располагать способностями к научению еще более высокого порядка.

5. *Многоуровневое научение и определение логического типа сигналов.* Это два неразделимых ряда феноменов – неразделимых потому, что умение обращаться с несколькими различными типами сигналов само представляет собой *выученный навык*, являясь тем самым функцией нескольких уровней научения.

Согласно нашей гипотезе, термин «эго-функция» (как его используют, когда говорят, что у шизофреника «слабая эго-функция») соответствует именно процессу *различения коммуникативных модальностей как во внутриличностной, так и межличностной коммуникации.* Шизофреник демонстрирует изъяны в трех областях такого функционирования: (а) он сталкивается с трудностями в приписывании правильной коммуникативной модальности сообщениям, которые он получает от других; (б) он сталкивается с трудностями в приписывании правильной коммуникативной модальности сообщениям, с которыми он сам вербально или невербально обращается к другим; (в) он

испытывает трудности в приписывании правильной коммуникативной модальности собственным мыслям, ощущениям и восприятиям.

Представляется уместным сравнить сказанное в предыдущем абзаце с подходом фон Домаруса (*Domarus, 1944*) к систематическому анализу высказываний шизофреников. Фон Домарус полагает, что высказывания (и мысли) шизофреника содержат ошибки в построении силлогизмов. Так, Барбара, страдающая шизофренией, строит свои высказывания на неправильных силлогизмах, в которых – согласно этой теории – делает умозаключения на основе отождествления предикатов посылок. Примером такого ошибочного силлогизма может быть построение:

Люди смертны. Трава смертна.

Люди – это трава.

Но по нашему мнению, формулировка фон Домаруса – лишь более точный (а потому более ценный) способ сказать, что речь шизофреника богата метафорами. С таким обобщением мы согласны. Однако метафора является незаменимым орудием мышления и выражения чувств, характерным для всякой человеческой коммуникации, даже научной. Концептуальные модели кибернетики или энергетические теории в психоанализе – это, в конце концов, лишь особо отмеченные (*labeled*) метафоры. Особенность шизофреника не в том, что он пользуется метафорами, а в том, что он *не отмечает* их как таковые. Он испытывает особые трудности в обращении с сигналами того класса, члены которого квалифицируют логический тип других сигналов.

Если наша формальная схематизация симптоматологии верна и если шизофрения в соответствии с нашей гипотезой является, по существу, следствием внутрисемейного взаимодействия, то представляется возможным априори дать формальное описание последовательностей переживаний, которые вызовут подобную симптоматику. То, что известно из теории научения, согласуется с очевидным фактом: люди используют *контекст* как ключ для различения модальностей. Таким образом, мы должны искать не некое специфическое травматическое переживание в инфантильном опыте, а характерные последовательности паттернов переживаний. Специфичность, которую мы пытаемся обнаружить, следует искать на абстрактном, или формальном, уровне. Важнейшая особенность этих последовательностей состоит в том, что они должны формировать у пациента психологические привычки, проявляемые в шизофренической коммуникации. Иными словами, *шизофреник должен жить в мире, где последовательность событий такова, что его необычные коммуникативные привычки в определенном смысле уместны*. Выдвигаемая нами гипотеза состоит в том, что последовательности такого рода во внешнем опыте пациента определяют его внутренние конфликты, связанные с определением логических типов. Для обозначения таких неразрешимых последовательностей переживаний мы пользуемся термином «двойной зажим».

Двойной зажим

Опишем необходимые составляющие ситуации двойного зажима, как мы себе ее представляем.

1. *Двое или более участников.* Одного из них мы для удобства определения называем «жертвой». Мы не предполагаем, что ситуация двойного зажима создается исключительно матерью; она может складываться и при участии обоих родителей или, возможно, братьев и сестер.

2. *Повторяющийся опыт.* Мы предполагаем, что двойной зажим – повторяющийся «сюжет» в жизненном опыте жертвы. Наша гипотеза связана с действием не единичного травматического переживания, а некоего повторяющегося опыта, в результате которого ситуация двойного зажима становится привычным ожиданием.

3. *Первичное негативное предписание.* Оно может принимать одну из двух форм: (а) «Не делай того-то и того-то, иначе я накажу тебя» или (б) «Если ты не сделаешь того-то и того-то, я накажу тебя». Мы выбираем здесь контекст научения, основанного на избегании наказания, а не на стремлении к награде, хотя для этого, может быть, нет формальных оснований. Мы предполагаем, что наказанием может послужить как холодность матери (или родителей), так и выражение ее (их) ненависти или гнева, а кроме того (что, возможно, является худшим из наказаний), проявление родителями полной беспомощности, вызывающей у ребенка чувство катастрофической незащищенности³.

4. *Вторичное предписание, которое вступает в конфликт с первым на более абстрактном уровне и так же, как и первое, подкрепляется наказаниями или сигналами, угрожающими самому существованию.* Вторичное предписание описать труднее, чем первичное, по двум причинам. Во-первых, вторичное предписание относится к более абстрактному уровню и обычно передается ребенку невербальными средствами. Это могут быть поза, жест, тон голоса, значимое действие, нечто подразумеваемое в словесном комментарии. Во-вторых, оно может противоречить любому элементу первичного запрещения. Вербальные формулировки вторичного предписания, следовательно, могут быть чрезвычайно разнообразными. Например: «Не считай это наказанием», «Не считай, что это я тебя наказываю», «Не подчиняйся моим запретам», «Не думай о том, чего ты не должен делать», «Не сомневайся в моей любви. Мой запрет является (или не является) ее выражением» и т.д. Возможны также случаи, когда двойной зажим вызывается не одним индивидом, а двумя, например, один из родителей может отрицать на более абстрактном уровне предписания другого.

5. *Третичное негативное предписание, лишаящее жертву возможности покинуть поле.* Формально, наверное, нет необходимости

³ Наши представления о наказании сейчас уточняются. Оно, как нам кажется, основано на опыте восприятия, который не укладывается в объем понятия «травма».

выделять это предписание в особый пункт, поскольку подкрепление на двух других уровнях уже включает угрозу существованию. Кроме того, если ситуации двойного зажима имеют место в раннем детстве, то очевидно, что ребенок не может их избежать. Однако в некоторых случаях, по-видимому, невозможность для жертвы бегства из ситуации обеспечивается с помощью специальных средств, которые не являются чисто негативными, например с помощью внезапных обещаний любви и т.п.

6. Наконец, полный набор составляющих перестает быть необходимым, когда жертва приучается воспринимать мир в стереотипах (patterns) двойного зажима. Почти любой фрагмент паттерна двойного зажима может теперь быть достаточным для того, чтобы вызвать панику или ярость. Стереотип конфликтных предписаний может воспроизводиться даже галлюцинаторными голосами (*Perceval*, 1836 & 1840).

Действие двойного зажима

В дзен-буддизме высшая цель состоит в достижении просветления. Мастер дзен стремится различными способами вызвать просветление у ученика. Один из этих способов состоит в том, что он заносит палку над головой ученика и свирепо говорит: «Если ты скажешь, что эта палка реальна, я ударю тебя. Если ты скажешь, что эта палка нереальна, я тоже ударю тебя. Если ты ничего не скажешь, я тоже ударю тебя». Мы полагаем, что шизофреник постоянно оказывается в подобной ситуации. Только он достигает не просветления, а состояния дезориентации. Ученик дзен может, например, протянуть руку и выхватить палку у учителя, который, вероятно, примет такую реакцию. Шизофреник лишен подобного выбора, поскольку он едва ли может проявить такую «непривязанность» к межличностным отношениям, а цели и сознание его матери мало похожи на цели и сознание учителя дзен.

Мы предполагаем, что, когда индивид попадает в ситуацию двойного зажима, он полностью теряет способность к различению логических типов. Определим основные характеристики этой ситуации.

(1) Индивид включен в очень тесные отношения с другим человеком, поэтому он чувствует, что для него жизненно важно точно определять, какого рода сообщения ему передаются, чтобы реагировать правильно.

(2) При этом индивид попадает в ситуацию, когда этот значимый для него другой человек передает ему одновременно два разноуровневых сообщения, одно из которых отрицает другое.

(3) И в то же самое время индивид не имеет возможности высказываться по поводу получаемых им сообщений, чтобы уточнить, на какое из них реагировать, то есть он не может делать метакоммуникативные утверждения.

Мы предполагаем, что именно такого рода ситуация складывается во взаимодействии будущего шизофреника и его матери. Однако подобное

случается и в нормальных отношениях. Оказавшись в ситуации двойного зажима, человек начинает защищаться подобно шизофренику, т.е. принимает метафорическое утверждение за буквальное, когда он вынужден реагировать в ответ на взаимопротиворечащие сообщения, не имея возможности эти противоречия прокомментировать. Например, однажды некий служащий оказался дома в рабочее время. Его сослуживец позвонил ему и шутливо спросил: «Как ты *туда* попал?» Служащий ответил: «На машине». Он ответил на вопрос буквально, так как столкнулся с сообщением, в котором спрашивалось, почему он дома, а не на работе, но одновременно и отрицалось – самой формулировкой вопроса – что спрашивается именно это. (Поскольку сослуживец понимал, что влезает, собственно, в чужие дела, он сформулировал вопрос метафорически.) В описанной ситуации взаимоотношения с сослуживцем были для «жертвы» достаточно значимыми, так как он не знал, как будет использована информация, поэтому он и ответил буквально. Подобное поведение характерно для любого человека, оказавшегося в ситуации, где от него ждут немедленного ответа, и чувствующего себя в замешательстве. Достаточно вспомнить осторожные буквальные ответы свидетелей в суде. Шизофреник же постоянно пребывает в состоянии неуверенности, поэтому он привычно реагирует защитным застреванием на буквальном уровне, когда это совершенно неуместно, например, когда кто-то шутит.

Шизофреники путают буквальное с метафорическим и в собственных высказываниях, если чувствуют себя попавшими в ситуацию двойного зажима. Например, пациент испытывает желание упрекнуть своего терапевта за опоздание, но он не знает точно, какого рода сообщение несет в себе это событие, в особенности если терапевт предварил реакцию пациента и извинился перед ним. Пациент не может сказать: «Почему вы опоздали? Вы не хотели встречаться со мной сегодня?» Это было бы обвинением, поэтому он прибегает к метафоре. Он может сказать тогда: «У меня был приятель, который вовремя не успел на корабль, его звали Сэм, а корабль чуть не утонул...» и т.д. Он разворачивает метафорическую историю, в которой терапевт может заметить, а может и не заметить комментарий по поводу своего опоздания. В метафоре удобно то, что она оставляет терапевту (или матери) возможность усмотреть обвинение, если ему (ей) угодно, или пропустить его мимо ушей. Если терапевт примет обвинение, содержащееся в метафоре, тогда пациент может согласиться, что история про Сэма была метафорической. Если же терапевт скажет (чтобы избежать обвинения), что эта история кажется ему неправдоподобной, пациент начнет убеждать его, что действительно был такой человек, которого звали Сэм. В качестве реакции на ситуацию двойного зажима метафорическое высказывание создает безопасность. При этом оно же и не дает пациенту высказать обвинение, а он хочет это сделать. Но, вместо того чтобы предъявить обвинение, признав, что рассказ был метафорой, шизофреник пытается отрицать сам факт

метафоричности, делая рассказ еще более фантастичным. Если терапевт проигнорирует обвинение, содержащееся в истории про Сэма, шизофреник может рассказать историю о путешествии на Марс в ракете, что будет еще одной попыткой транслировать обвинение. Указание на то, что это утверждение метафорично, заложено в фантастичности самого рассказа, а не в сигналах, которые обычно сопровождают метафору, указывая слушателю, следует ли понимать сообщение буквально или в переносном смысле.

Для жертвы в ситуации двойного зажима безопаснее не только соскочить на метафорический уровень сообщений, но еще лучше – сделать скачок и самому превратиться в кого-то другого или сделать другой скачок и утверждать, что сам он находится совсем в другом месте. В таком случае двойной зажим не будет оказывать своего действия на жертву, потому что попал в эту ситуацию совсем не он – сам он пребывает где-то в другом месте. Иными словами, высказывания, свидетельствующие о дезориентированности пациента, могут быть интерпретированы как способы его защиты от актуальной ситуации. Патология возникает тогда, когда пациент-жертва либо не сознает метафоричность своих реакций, либо не может сказать об этом. Пациент будет отдавать себе отчет в метафоричности своей речи, если осознает, что он защищается и, следовательно, боится другого человека. Однако это осознание для него может быть равнозначно обвинению другого и потому способно вызвать беду.

Если человек провел свою жизнь в оковах двойного зажима во взаимодействиях с каким-то значимым для него лицом (как это здесь описано), то после психотического срыва его способ общения с людьми будет иметь определенную систематическую структуру. Прежде всего, он не сможет обмениваться с людьми сигналами, которые сопровождают сообщения и указывают, что имеется в виду. Его метакоммуникативная система – сообщений по поводу коммуникации – разрушена, и он не знает, с какого рода сообщением имеет дело. Если ему говорят: «Что бы ты хотел делать сегодня?», он не может правильно определить по контексту, по тону голоса и жестам: то ли его ругают за то, что он сделал вчера, то ли к нему обращаются с сексуальным предложением... И вообще, что имеется в виду? Неспособность правильно определить, что говорящий на самом деле имеет в виду, и преувеличенная забота относительно того, что же на самом деле подразумевается, заставляют его защищаться, выбрав для себя нечто из нескольких альтернативных стратегии. Он может, например, решить, что за каждым высказыванием стоит какой-то скрытый смысл, угрожающий его благополучию. Тогда скрытые смыслы станут его важнейшей заботой, и он будет решительно настроен показать всем, что его теперь не обмануть, как обманывали всю жизнь. Если он выбирает этот путь, он постоянно будет искать скрытый смысл за тем, что люди говорят, и за тем, что происходит вокруг него. Он станет характерно подозрительным и недоверчивым.

Он может выбрать другую возможность: принимать буквально все сказанное окружающими. Когда тон, жесты или контекст противоречат тому, что говорится, он может научиться отвечать на эти метакоммуникативные сигналы смехом. Он откажется от попыток различать уровни сообщения и будет рассматривать все сообщения как несущественные или достойные лишь того, чтобы посмеяться над ними.

Если он не стал подозрительным в отношении метакоммуникативных сообщений и не пытается осмеивать их, он может попытаться игнорировать их. Тогда он встанет перед необходимостью все меньше слышать и видеть из происходящего вокруг и делать все возможное, чтобы избежать какого-либо воздействия на окружающий мир. Он попытается отвлечь свои интересы от внешнего мира и сосредоточиться на собственных внутренних процессах. В результате он будет производить впечатление человека ко всему безучастного и, возможно, немого.

Иными словами, если индивид не знает, какого рода сообщения он получает, он может защищать себя теми способами, которые описываются как параноидный, гебефренический и кататонический. Эти три альтернативы не исчерпывают всех возможностей. Суть дела в том, что у него не получается выбрать какую-то одну стратегию, которая помогла бы ему обнаружить, что люди имеют в виду. Он не может без помощи извне обсуждать сообщения других. Не способный на это человек подобен любой другой самокорректирующейся системе с нарушенным управлением (governor): система начинает воспроизводить бесконечный, но всегда систематический поток ошибок и искажений.

Описание семейной ситуации

Теоретическая возможность существования ситуаций двойного зажима побуждает нас к поиску специфических коммуникативных последовательностей у пациентов-шизофреников в их семейной ситуации. С этой целью мы анализировали письменные и устные отчеты психотерапевтов, которые работали с такого рода пациентами; изучали звукозаписи психотерапевтических интервью; мы встречались с родителями шизофреников и записывали эти встречи на магнитофон; две матери шизофреников и один отец проходили у нас интенсивную психотерапию; мы записывали на магнитофон сессии, в которых участвовали пациенты и их родители.

На основании этих данных мы сформулировали гипотезу о семейной ситуации, которая в конечном итоге приводит к тому, что один из членов семьи становится шизофреником. Эта гипотеза не была проверена статистически. Мы отбираем и ставим в центр внимания довольно простой ряд взаимодействий, не пытаясь описать в полном объеме всю сложность семейных взаимоотношений.

Мы предполагаем, что семейная ситуация шизофреника обладает несколькими общими характеристиками.

(1) Ребенок проявляет свою любовь к матери, что вызывает у нее тревогу и желание отдалиться от него. Иначе говоря, само существование ребенка имеет некий особый смысл для матери, вызывая у нее тревогу и враждебность, когда возникает опасность интимного контакта с ребенком.

(2) Для матери чувства тревоги и враждебности по отношению к ребенку неприемлемы, а ее способ их отрицания состоит в том, чтобы внешне выражать любящее поведение, тем самым принуждая ребенка относиться к ней как к любящей матери, и отдаляться от него, если он не делает этого. «Любящее поведение» (loving behavior) не обязательно подразумевает «нежную привязанность» – оно может осмысляться, например, в таких категориях, как «исполнить свой долг», «воспитывать добро» и т.п.

(3) Отсутствие в семье кого-либо (например, сильного и пронизательного отца), кто вмешался бы в отношения матери и ребенка и поддержал ребенка, запутавшегося в противоречиях.

Поскольку это описание – формальное, мы не обсуждаем специально, почему мать испытывает такие чувства, предполагая, что они могут возникнуть по ряду причин. Возможно, сам факт наличия ребенка вызывает у матери тревогу по поводу самой себя или своих отношений с родительской семьей. Для нее может быть также важным, кто ее ребенок – мальчик или девочка, или что ребенок родился в день рождения кого-то из ее братьев или сестер (Hilgard, 1953). Для матери может быть важным, что ребенок занимает в ее семье то же место, какое она занимала в семье своих родителей. Наконец, ребенок может вызывать у матери какие-то особые чувства, связанные с ее собственными эмоциональными проблемами.

Коль скоро ситуация обладает такими характеристиками, мы предполагаем, что мать шизофреника будет одновременно передавать по крайней мере два типа сообщений (для простоты описания мы ограничимся двумя). В общих чертах они могут быть охарактеризованы как (а) враждебное или отчужденное поведение, возникающее, когда ребенок к ней приближается, и (б) поддельно-любящее или привлекающее поведение, когда ребенок реагирует на ее враждебное или отчужденное отношение. Как уже отмечалось выше, симуляция любви является способом отрицания того, что мать проявляет отчужденность. Задача матери состоит в том, чтоб сдерживать свою тревогу посредством контроля дистанции между нею и ребенком. Другими словами, если мать испытывает чувства привязанности и близости к ребенку, она начинает переживать чувство опасности и должна отдалиться от него... Однако она не может принять это враждебное действие, поэтому для отрицания его она должна симулировать привязанность и близость к ребенку. Важно при этом, что таким образом ее любящее поведение является комментарием (поскольку это – компенсация) к ее враждебному поведению, следовательно, это сообщение *другого* порядка, нежели враждебное

поведение, то есть это сообщение по поводу ряда сообщений. Кроме того, по своей природе оно отрицает существование тех сообщений, которые оно комментирует, т.е. враждебного отчуждения.

Мать использует реакции ребенка, чтобы утверждать, что ее поведение является любящим, а поскольку любящее поведение симулируется, ребенок оказывается в положении, когда он не должен правильно интерпретировать ее коммуникацию, если он хочет поддерживать свои отношения с ней. Иными словами, ему запрещается правильно определять уровни сообщений: в данном случае различать выражение симулируемых чувств (один логический тип) и реальных чувств (другой логический тип). В результате ребенок должен систематически исказить свое восприятие метакоммуникативных сигналов. Например, если мать испытывает враждебность (или привязанность) к ребенку и чувствует при этом одновременно потребность отдалиться от него, она может сказать: «Иди спать, ты устал. Я хочу, чтобы ты уснул». Это высказывание, выражающее внешне заботу, на самом деле направлено на то, чтобы отрицать чувство, которое можно было бы сформулировать так: «Убирайся с глаз моих долой! До чего же ты мне надоел!» Если ребенок правильно различает метакоммуникативные сигналы матери, то он оказывается перед тем фактом, что она одновременно не хочет его видеть и симулирует любовь, вводя его в заблуждение. Но ребенок будет «наказан», если научится различать уровни сообщений правильно. Поэтому он скорее примет идею, что он устал, нежели распознает обман матери. Это означает, что он должен обмануть самого себя относительно своего внутреннего состояния, чтобы поддержать мать в этом обмане. Таким образом, чтобы выжить, он должен неправильно различать как свои собственные внутренние сообщения, так и сообщения других.

Еще один фактор, осложняющий для ребенка проблему, состоит в том, что мать «заботливо» определяет для него, что он чувствует, внешне выражая материнское беспокойство по поводу усталости ребенка. Именно таким образом мать навязывает ребенку свою интерпретацию как его собственных сообщений, так и его реакций на нее. Мать, например, говорит ребенку: «Ведь ты не хочешь сказать, что...», если он пытается вдруг критиковать ее. При этом мать подчеркивает, что она заботится не о себе, а только о нем. В итоге ребенку проще всего принять симуляцию любви за реальность и подавить в себе желание осмыслить происходящее. Но в конце концов мать все равно отдалится от него, определяя свое отчуждение как очевидный атрибут любви.

Как бы то ни было, принимая симулируемое любящее поведение матери за реальное, ребенок не решает свою проблему. Ведь отдав предпочтение ложному истолкованию ее поведения, он проявит инициативу к большему сближению с матерью, а его действия в этом направлении вызовут у нее чувство страха и беспомощности – и она будет вынуждена отдалиться. Но если ребенок в ответ тоже отдалится от матери,

она примет это как утверждение, что она – нелюбящая мать, и либо накажет его за отдаление, либо постарается приблизиться к нему. Если он в ответ тоже приблизится, она ответит тем, что удержит его на расстоянии. *Ребенок наказывается и тогда, когда он правильно определяет, что выражается, и тогда, когда определяет неправильно, то есть он находится в ситуации двойного зажима.*

Ребенок может попробовать разными способами вырваться из этой ситуации. Он может, например, попытаться найти поддержку в лице отца или другого члена семьи. Однако из наших предварительных наблюдений мы склонны предполагать, что отцы шизофреников недостаточно надежны, чтобы на них можно было опереться. Они также находятся в неловком положении. Ведь если отец согласится с ребенком в отношении материнского обмана, он будет вынужден признать природу собственных отношений с матерью, а этого он делать не хочет, оставаясь привязанным к ней и тому *способу взаимодействия*, который они выработали.

Потребность матери быть желанной и любимой не позволяет ребенку получить поддержку и от кого-либо из окружающих, например от учителя. Мать с такими особенностями будет видеть угрозу в любой другой привязанности ребенка. Она разрушит эту привязанность и приблизит его к себе. Однако у нее тотчас возникнет тревога, как только ребенок снова станет зависимым от нее.

Единственный способ, при помощи которого ребенок может действительно вырваться из ситуации, – это комментирование по поводу собственного противоречивого положения в отношениях с матерью. Однако, если он так и поступит, мать воспримет это как обвинение в том, что она – нелюбящая мать, и, во-первых, накажет его, а во-вторых, будет настаивать, что у него искаженное восприятие ситуации. Не давая ребенку говорить о ситуации, мать запрещает ему использовать метакоммуникативный уровень. А ведь обращение именно к этому уровню позволяет нам корректировать наше восприятие коммуникативного поведения. Способность коммуницировать по поводу коммуникации, давать комментарии по поводу значимых действий, как собственных, так и действий других, – необходимое условие успешного социального взаимодействия. В любых нормальных отношениях происходит постоянный обмен метакоммуникативными сообщениями, такими как: «Что вы имеете в виду?», «Почему вы это сделали?», «Вы не разыгрываете меня?» и т.п. Чтобы правильно определять, что люди на самом деле сообщают, мы должны быть способны непосредственно или опосредованно комментировать их сообщения. Шизофреники же обнаруживают неспособность успешно пользоваться уровнем метакоммуникации (Bateson, 1955). Причина тому – вышеописанные особенности матери шизофреника. Если она отрицает один из уровней своего сообщения, то любые утверждения, касающиеся ее утверждений, представляют для нее опасность, и она должна их запретить. Поэтому ребенок вырастает, не умея коммуницировать по поводу коммуникации, а

следовательно, не умея определять, что же люди на самом деле имеют в виду, и не умея выразить, что имеет в виду он сам. А эти умения – важнейшее условие нормальных отношений.

Подведем итоги сказанному. Мы предполагаем, что семейная ситуация, характеризующаяся структурой двойного зажима, ставит ребенка в такое положение, в котором его отклик на симулируемую привязанность матери усиливает ее тревожность, и она наказывает его, чтобы оградить себя от близости с ним. Или, с той же целью, она будет настаивать, что *его* попытки сближения симулируются, приводя таким образом ребенка в замешательство относительно характера его собственных сообщений. Ребенок лишен интимных и безопасных отношений с матерью. Если он, однако, не выказывает привязанности, она будет чувствовать себя нелюбящей матерью, что также вызовет у нее тревогу. Таким образом, она либо накажет ребенка за отчужденность, либо сделает попытку сблизиться с ним, чтобы получить подтверждение его любви. Если он откликнется и проявит свою привязанность, она не только вновь почувствует себя в опасности, но и будет испытывать злость, оттого что ей приходится принуждать его реагировать. В любом случае в отношениях, которые наиболее важны в жизни ребенка и являются для него моделью всех остальных отношений, его наказывают и тогда, когда он проявляет любовь и привязанность, и тогда, когда он этого не делает. А пути выхода из ситуации, такие как получение поддержки от других, отрезаны. Такова фундаментальная природа двойного зажима в отношениях между матерью и ребенком. Это описание, разумеется, не раскрывает намного более сложную сеть взаимодействий в системе семьи, важной частью которой является мать (*Jackson*, 1954, 1957).

Перевод М.П.Папуша

(Окончание в следующем номере)